

МАРГАРИТА АЙДНАЛИЕВА

НЕ ПРИНАДЛЕЖАТЬ КОРОЛЮ

Он чувствует меня.
Но я не стану его.

18+

Маргарита Айдналиева

Не принадлежать королю

«Автор»

2026

Айдналиева М.

Не принадлежать королю / М. Айдналиева — «Автор», 2026

Я — та, кого не должно быть. В мире, где сила определяется зверем, я родилась пустой. Без волчицы. Без права на голос. Без будущего. Меня держат под замком и называют защитой. Но я слишком хорошо знаю, как выглядит клетка. Всё меняется в одну ночь, когда внутри меня просыпается нечто, что не должно было выжить. Сила, от которой хочется бежать и невозможно оторваться. И в тот же момент ****он**** находит меня. Король альф. Хищник, привыкший брать своё. Тот, кто не спрашивает — только приказывает. Он чувствует меня сквозь расстояние. Сквозь страх. Сквозь запреты. И теперь я — его цель. Его одержимость. Его ошибка. Но я не стану покорной. Даже если его голос заставляет сердце сбиваться, даже если его сила подавляет волю, даже если тело предаёт разум. Я не принадлежу королю. Но чем ближе он становится, тем опаснее звучит правда: возможно, дело не в том, кому я принадлежу, а в том, смогу ли я вообще ему сопротивляться.

© Айдналиева М., 2026

© Автор, 2026

Маргарита Айдналиева

Не принадлежать королю

Глава 1. Та, у которой нет волчицы.

Москва жила своей привычной жизнью — шумной, стремительной, равнодушной в своей бесконечной занятости, и в этой слепой суете не находилось места для того, чтобы замечать то, что скрывалось за гранью человеческого восприятия: тени, лежащие за коваными воротами старых особняков, за высокими заборами, увенчанными фамильными гербами, которые передавались из поколения в поколение вместе с властью, кровью и древними обязательствами, куда более значимыми, чем любые законы внешнего мира. Город дышал, двигался, жил — и при этом оставался слепым к тому, что существовало рядом с ним: другому слою реальности, более жестокому, более древнему и куда менее снисходительному к слабости.

Особняк клана Арден, скрытый в глубине старого парка, стоял в тени вековых деревьев, словно отрезанный от остального мира, и в его стенах не существовало ни случайностей, ни права на ошибку, ни возможности быть тем, кем ты не являешься по праву крови. Здесь всё было подчинено строгому порядку, в котором сила определяла ценность, а слабость не имела оправдания. И уж тем более здесь не было места для неё.

— Ты снова не пришла на тренировку.

Голос Александра Ардена прозвучал ровно, без повышения тона, но в этой сдержанности ощущалась холодная, отточенная годами власть.

Валерия не обернулась сразу, продолжая смотреть в окно, за которым раскинулся тёмный сад. В глубине двигались силуэты — быстрые, уверенные, наполненные той жизнью, которой у неё никогда не было, и это зрелище всегда оставляло в ней странное чувство отстранённости, будто она наблюдала за миром, частью которого считалась, но к которому на самом деле не принадлежала.

— Я задал вопрос, Валерия.

Она повернулась медленно, позволяя себе короткую паузу, чтобы вернуть на лицо привычное спокойствие. Перед ней стоял глава клана Арден — человек, привыкший управлять, приказывать и получать подчинение без сопротивления. Её отец.

— Я не вижу смысла, — спокойно ответила она.

Тишина, возникшая после этих слов, оказалась плотнее любого крика.

— Не видишь смысла — медленно повторил он.

— У меня нет волчицы. Ты сам это знаешь.

Она произнесла это без вызова, как факт, не требующий доказательств, но именно поэтому слова прозвучали особенно тяжело.

— У тебя есть кровь Арден.

— Кровь без силы — это ничто.

Он сделал шаг вперёд, и в этом движении не было угрозы, только окончательность.

— Ты позоришь этот клан.

Она выдержала его взгляд, хотя внутри что-то болезненно сжалось — слишком тихо, чтобы это можно было назвать болью, но достаточно, чтобы почувствовать.

— Тогда избавься от меня, — сказала она. Тишина стала почти осязаемой.

— Дорогая, не нужно так драматизировать.

Голос Виктории Арден мягко разрезал напряжение. Она вошла спокойно, безупречная в своей сдержанной элегантности, с той самой улыбкой, за которой всегда скрывалось больше, чем она позволяла увидеть.

— Валерия просто запуталась, — продолжила она, приближаясь.

— Девочке тяжело принять свою... особенность. Слово прозвучало мягко, почти ласково, но в этой мягкости ощущалась холодная точность.

— Мы ведь хотим для неё лучшего. Я как раз обсуждала с советом один вариант.

— Какой? — коротко спросил Александр.

— Есть союз. Выгодный. Далёкий клан, не слишком требовательный и они готовы принять её.

Тишина после этих слов стала окончательной. Валерия медленно выпрямилась.

— Продать меня.

— Обеспечить будущее, — мягко поправила Виктория.

И в этот момент стало ясно: всё уже решено.

Позже той ночью, когда особняк замер в тяжёлой тишине, Валерия всё ещё не спала. Она сидела на полу, прислонившись спиной к кровати, и смотрела в темноту. Слова Виктории звучали слишком ясно.

«Они готовы принять её».

Принять... Как принимают сделку. Как принимают условие. Как принимают вещь. Пустота внутри давно перестала быть болью — она стала фоном, частью её самой. Спорить с фоном бессмысленно.

У других всё было иначе. Их волчицы отзывались, тянули к своим парам, к своим судьбам. У неё — ничего, ни отклика, ни инстинкта. И именно поэтому то, что её ждало, было особенно жестоким.

— Я не буду, — тихо сказала она. Слова прозвучали спокойно, но в этой тишине они имели вес. Решение стало окончательным. Сегодня её не просто ограничили — её продали. Мысль о побеге, раньше казавшаяся наивной, теперь выглядела единственным выходом. Валерия поднялась, подошла к шкафу и достала рюкзак, который держала наготове уже несколько недель. Она не собирала вещи — просто проверяла, всё ли на месте. Только самое необходимое. То, что не задержит в пути.

Пора...

Коридоры тянулись тёмными туннелями, и каждый шаг отдавался в груди глухим эхом, будто сам дом шептал: отсюда не уйти. Она летела к выходу — лестница, поворот, дверь. Свобода была так близко, что её почти можно было вдохнуть. Ладонь легла на ледяную поверхность. Валерия толкнула — и ничего. Ни скрипа петель, ни движения. Только тишина, слишком плотная, чтобы быть естественной. Она протянула руку вперёд, в пустоту перед собой — и тут же отдёргнула: кожу пронзило мёртвенным холодом, будто она коснулась дыхания зимы. На пальцах осталась тонкая ледяная плёнка — растаяла за секунду, но ощущение осталось. Барьер. Они всё предусмотрели.

— Ты куда-то собралась?

Голос прозвучал лениво, почти скучающе, прямо за спиной. Она резко обернулась. В тени коридора, прислонившись к стене, стоял Даниил, ее сводный брат. Поза небрежная, но в этой небрежности — уверенность человека, который всё держит под контролем. Будто наблюдал за ней с той самой секунды, как она вышла из комнаты.

— Это ты всё устроил, — выдохнула она, и слова прозвучали не как обвинение, а как горькое признание очевидного.

Он чуть наклонил голову, оценивая её реакцию.

— Скажем так: я не позволил тебе сорвать договорённости, над которыми клан работал месяцами. Ты ведь понимаешь, что такое потерять лицо?

Валерия сжала кулаки. Холод от пола поднимался по спине, но она его не замечала.

— Ты запер меня.

— Я защитил тебя от собственной поспешности.

Она усмехнулась — коротко, без веселья.

— Только не притворяйся, что тебе не всё равно.

Даниил шагнул ближе. Тень легла на его лицо, стирая привычную полуулыбку. Теперь он выглядел не расслабленным наблюдателем, а частью этого дома — его холодным, расчётливым механизмом.

— Мне не всё равно на интересы клана, — спокойно произнёс он.

— А завтра будет важный день. Тебе лучше быть здесь, когда они придут.

Глава 2. Зов, которого не должно быть.

Ночь в особняке Арден никогда не была по-настоящему тихой: в её глубине всегда звучала своя, почти незаметная жизнь — где-то скрипели старые балки, за окнами медленно колыхались тени деревьев, а из парка доносились приглушённые звуки, в которых угадывалась звериная природа тех, кто принадлежал этому месту. Однако в эту ночь привычная ткань тишины была нарушена чем-то едва уловимым, словно в безупречно выстроенной системе появилась невидимая, но ощутимая трещина.

Валерия лежала поверх покрывала, не раздеваясь и даже не пытаясь уснуть, потому что слова Даниила всё ещё звучали в её сознании с пугающей ясностью. Завтра — это слово не просто повторялось в её мыслях, оно давило, оседая где-то глубоко внутри и превращаясь в тяжёлую, неотвратимую данность, от которой невозможно было отмахнуться. Она медленно перевернулась на бок, уткнувшись лицом в подушку, надеясь хотя бы так заглушить внутренний шум, но вместо покоя лишь яснее ощутила странное, непривычное чувство, которое постепенно поднималось изнутри.

Сначала это было едва различимое тепло, слишком глубокое, чтобы его можно было сразу осознать, и в то же время достаточно отчётливое, чтобы насторожить: оно не обжигало и не причиняло боли, но казалось чужим, неправильным, словно не принадлежало ей по праву. Валерия замерла, прислушиваясь к себе, и с тревогой отметила, что ощущение не исчезает, а, напротив, становится яснее, будто осторожно нащупывает границы, в которых его удерживают. Она резко села, и в тёмной комнате её дыхание прозвучало слишком громко, нарушая хрупкое равновесие тишины. В этот момент воздух едва заметно дрогнул, окончательно оформив тревогу, до этого лишь смутно ощущаемую. Покалывание в ладонях усилилось, дыхание стало глубже, и мир на мгновение словно треснул, уступая место чему-то иному, не укладывающемуся в привычное восприятие.

Перед ней возникло не видение в привычном смысле, а скорее цельное ощущение: тёмный, густой лес, запах влажной земли, крови и чего-то древнего, первобытного, чуждого человеческому сознанию. Сердце сбилось с ритма, и Валерия резко отшатнулась, будто могла физически оттолкнуть от себя это состояние, вернуть всё на прежние места, однако комната вернулась так же внезапно, как исчезла, тогда как само ощущение не ушло, продолжая жить где-то внутри неё. Холод пробежал по коже, и она вцепилась в край кровати, словно это могло удержать её в реальности, не позволив окончательно утратить опору.

Это было невозможно, потому что у неё не было волчицы — по крайней мере, так было всегда, и эта истина сопровождала её всю жизнь, становясь частью её самой, определяя её место в клане и в мире. И всё же сейчас внутри ощущалось нечто иное: не пустота и не отсутствие, а, напротив, присутствие — тихое, внимательное, выжидающее, словно оно лишь ждало подходящего момента. Она цеплялась за рациональные объяснения, будто они могли удержать её на месте: это просто усталость, слишком много напряжения, нервы... Ничего больше, ничего настоящего. Однако даже эти убеждения звучали неубедительно, потому что ощущение не исчезало. Она стиснула зубы, будто могла силой воли загнать его обратно в ту тёмную щель, откуда оно поднималось, но оно лишь затаилось, не исчезнув, а лишь временно скрывшись.

В тот самый момент, когда воздух вокруг Валерии едва заметно дрогнул, в другой части города Дамиан Вальгард Рейнхар стоял у панорамного окна, за которым Москва раскинулась живой, пульсирующей картой огней. Сон давно перестал быть для него необходимостью: годы постоянного напряжения приучили его существовать в состоянии непрерывной готовности, в котором контроль стал не просто привычкой, а неотъемлемой частью его природы. Он не просто наблюдал — он ощущал, улавливая малейшие изменения в балансе сил, который удерживал с холодной, выверенной точностью. И именно поэтому он не мог не заметить момент, когда

этот баланс был нарушен. Сначала это проявилось как едва различимое смещение, настолько незначительное, что его можно было бы проигнорировать, однако тело отреагировало раньше, чем разум успел придать этому значение: дыхание стало глубже, мышцы напряглись, словно подготавливаясь к чему-то неизбежному.

Затем ощущение накрыло его резко и без предупреждения, и это не было болью в привычном смысле — скорее внезапным вторжением, как если бы на короткое мгновение его восприятие было подменено чужим, позволяя увидеть мир не своими глазами. Плечи окаменели, пальцы сжались в кулаки до хруста, и в этом напряжении было что-то инстинктивное, будто тело распознало угрозу раньше, чем разум позволил это осмыслить. Перед внутренним восприятием не возникали образы, но ощущение было предельно ясным: та самая неправильность, не разрыв и не боль, а тихий, упрямый импульс, который пытались подавить. Он замер, позволяя этому ритму раскрыться, и почти сразу понял, что перед ним не обычное пробуждение силы, а нечто иное, искажённое: в происходящем чувствовалось слишком много сопротивления, внутреннего конфликта, словно саму природу силы удерживали в чуждых ей рамках. Печать — сложная, продуманная конструкция, созданная намеренно и с огромным усилием, — ощущалась отчётливо, и именно это делало происходящее особенно интересным.

Интерес, возникший в нём, не имел ничего общего с поверхностным любопытством: он был холодным, точным и оттого опасным. Дамиан сделал шаг ближе к стеклу, словно мог проследить невидимую нить, ведущую к источнику, и в этот момент осознал главное — это было не просто пробуждение, а борьба, в которой та, кто являлась источником, сопротивлялась, даже если сама этого не осознавала. Едва заметная тень улыбки скользнула по его губам — редкая и оттого особенно значимая, — однако уже в следующее мгновение связь оборвалась резко, словно её перерезали. Ощущение исчезло, оставив лишь слабый, но навязчивый отголосок, достаточный для того, чтобы не позволить забыть о произошедшем.

Дамиан медленно выпрямился, и вернувшаяся тишина показалась ему неполной, нарушенной самим фактом своего восстановления, что делало её почти неприемлемой. За его спиной раздались шаги, и голос, обратившийся к нему, прозвучал с привычной осторожностью, неизменно сопровождавшей обращение к власти. Он не обернулся. Пауза тянулась ровно столько, чтобы каждый в комнате успел вспомнить, перед кем стоит. Наконец, его голос прозвучал спокойно и ровно:

— В городе появилась аномалия.

Последовавшие вопросы были ожидаемы, но излишни, и одного короткого взгляда оказалось достаточно, чтобы любые уточнения потеряли смысл ещё до того, как были произнесены.

— Нужно найти ту, чьё существование противоречит установленному порядку, — произнёс он уже тише, но не менее отчётливо. — И доставить ко мне.

Небольшая пауза, в которой ощущалась скрытая угроза, прозвучала громче любых слов.

— Живой.

И почти неслышно, словно это было не приказом, а мыслью, которую не обязательно было озвучивать:— Пока...

Его взгляд снова вернулся к городу, скользя по огням, за которыми скрывалась та самая точка, нарушившая равновесие.

— Я хочу увидеть, что именно от меня пытались спрятать.

Глава 3. Цена, которую назначили за неё.

Утро не принесло облегчения — оно принесло ясность, от которой оказалось куда сложнее отвернуться, чем от любой боли, потому что именно ясность не оставляла ни пространства для сомнений, ни возможности убедить себя, что прошедшая ночь была лишь сном или следствием усталости. Сознание возвращалось медленно, но без внутреннего сопротивления, словно сама реальность больше не позволяла ей укрыться в забытие. Когда Валерия открыла глаза, первым, что она осознала, стало не присутствие боли, а её полное отсутствие. Это было неправильно. Тело не отзывалось ни тяжестью, ни слабостью, ни остаточным напряжением, которое неизбежно должно было остаться после ночных переживаний.

Напротив, в нём ощущалась странная лёгкость, почти избыточная точность, словно каждая мышца, каждое движение подчинялись не усилию, а чему-то более глубокому и устойчивому. Даже пульс был ровным — ровнее, чем она могла бы добиться усилием воли. И именно это делало произошедшее более реальным, чем если бы она проснулась с болью. Валерия медленно села, прислушиваясь к себе не столько телом, сколько внутренним ощущением, пытаясь уловить хотя бы намёк на изменение, на сдвиг, который можно было бы назвать и объяснить. Внутри была тишина. Не пустота, а именно тишина — глубокая, ровная, почти плотная, словно поверхность воды, под которой скрывается движение, ещё не проявившее себя.

Закрыв глаза, она попыталась восстановить события ночи, но память не подчинялась логике и не возвращалась чёткими образами, оставляя вместо этого ощущение — краткий, почти неуловимый момент, в котором что-то внутри неё откликнулось, словно она на долю секунды соприкоснулась с чем-то большим, чем могла понять. И это касание исчезло так же быстро, как возникло. Или это отпустило её. Эта мысль заставила её открыть глаза, уже более резко, чем она позволила бы себе обычно, и в тишине комнаты её собственный голос прозвучал почти чужим:

— Что это было...

Ответа не последовало. Поднявшись на ноги, Валерия ожидала хотя бы намёка на слабость, но тело двигалось безупречно — точно, спокойно, с той выверенной лёгкостью, которая не приносила облегчения, потому что в ней не было привычного предела.

Подойдя к зеркалу, она невольно задержала взгляд на своём отражении. Внешне всё осталось прежним: бледная кожа, подчёркнутая тенями под глазами, влажные пряди волос, упавшие на лицо, знакомые черты, в которых не появилось ничего нового. Но взгляд изменился, стал глубже, как будто в нём появился дополнительный слой, ранее скрытый, и теперь этот слой смотрел изнутри, делая выражение её глаз тяжелее, внимательнее, почти настороженнее. Она медленно провела пальцами по скуле, словно проверяя границы собственного тела, и на мгновение ей показалось, что под кожей есть отклик — не движение и не сила в привычном понимании, а нечто едва уловимое, похожее на присутствие. Это ощущение исчезло почти сразу, но оставило после себя осознание, от которого уже невозможно было избавиться. Внутри было не пусто. Там что-то было. И это что-то пока лишь наблюдало.

Валерия убрала руку и медленно выпрямилась, возвращая себе привычный контроль, выравнивая дыхание, расправляя плечи и собирая выражение лица в холодную, спокойную маску, которая годами служила ей защитой. Если ночью что-то изменилось, она должна будет это понять. Но не сейчас. Сейчас важнее было другое. Сегодня её будут ломать — не силой, а решениями, которые уже приняты за неё. И это означало, что сегодня она не имеет права позволить себе ни малейшей слабости.

Столовая встретила её привычной, почти ритуальной атмосферой власти, в которой каждая деталь подчинялась не столько этикету, сколько иерархии, выверенной до мелочей. Александр Арден уже был на своём месте — неподвижный, собранный, как всегда, словно он не

просто присутствовал за столом, а являлся его центром. Рядом с ним — Виктория Арден, воплощение мягкости, за которой угадывалась куда более опасная форма контроля. И напротив — Даниил.

Когда Валерия вошла, брат уже смотрел на неё — слишком внимательно, слишком точно, словно пытался уловить нечто большее, чем позволяли слова и внешний вид.

— Ночь была тяжёлой? — произнёс он, и его голос прозвучал мягче обычного, но именно эта мягкость показалась ей неестественной.

Валерия заняла своё место, не отводя взгляда.

— Не настолько, чтобы пропустить завтрак, — спокойно ответила она, позволяя в голосе прозвучать лёгкой насмешке. — В отличие от некоторых, у меня нет привычки устраивать чужие судьбы между делом.

Пауза была короткой, но ощутимой. Виктория опустила взгляд, скрывая улыбку. Александр остался неподвижен. Даниил лишь слегка склонил голову, словно принимая её слова как ожидаемый ход.

— Тогда перейдём к сути, — произнёс он, и в его голосе не осталось и намёка на мягкость. — Свадьба состоится в ближайшие дни.

Фраза прозвучала как факт, не подлежащий обсуждению. Валерия медленно положила приборы, так и не притронувшись к еде.

— Ты торопишься, — сказала она тихо, но чётко. — Настолько, что даже не пытаешься это скрыть.

— Я не вижу смысла тянуть, — ответил он спокойно.

Она слегка наклонилась вперёд, и её взгляд стал жёстче.

— Нет. Ты боишься не успеть.

И на этот раз пауза была другой. В ней появилось напряжение. Александр перевёл взгляд на сына. Виктория замерла.

— Осторожнее, — негромко произнёс Александр.

Но Валерия уже не слушала.

— Что они тебе пообещали? — спросила она. В этот момент внутри неё едва заметно что-то откликнулось — тихо, почти неощутимо, но уже знакомо. Как будто её слова имели больший вес, чем раньше.

Даниил чуть прищурился.

— Ты переоцениваешь свою значимость.

— Нет, — спокойно ответила она. — Я наконец начинаю её понимать.

Тишина стала плотной.

— Военный союз, — произнёс он после паузы. — Полную поддержку Морвейн в случае конфликта.

— И?

— И доступ к тому, что нам необходимо.

Она не отвела взгляда.

— Конкретнее.

Едва заметная улыбка.

— К артефакту, способному подавлять силу.

Слова прозвучали тихо, но их смысл был слишком ясным. Он говорил не только о ней — он говорил о системе контроля. И в этот момент Валерия поняла: артефакт нужен не для того, чтобы её усмирить, а чтобы держать под контролем силу, которую клан считает угрозой.

— Ты хочешь контролировать не только меня, — сказала она.

— Я хочу контролировать всё, что может стать угрозой, — ответил он. — Включая то, что ты сама в себе не понимаешь.

Это было сказано слишком точно. Слишком вовремя. Она почувствовала, как по спине проходит холод. Он чувствует или уже знает.

— Значит, я для тебя — инструмент.

— Ресурс, — спокойно уточнил он.

Валерия медленно выпрямилась.

— Тогда у меня есть время, — сказала она.

И в этот момент внутри снова возник тот самый отклик. Тихий, но уже осознанный, словно согласие. Она позволила себе едва заметную улыбку.

— Я не выйду за него, — произнесла она спокойно.

— Выйдешь, — ответил Александр.

Но теперь это уже не звучало так однозначно. Потому что в игре действительно появился новый фактор. И они его ещё не понимали. Валерия развернулась и вышла, не дожидаясь разрешения. Они ещё не знали, что именно изменилось. А Валерия знала: изменилось то, как она смотрит на них. И очень скоро им придётся с этим считаться.

Глава 4. Витрина.

Стук в дверь прозвучал ровно три раза — не как просьба войти, а как уведомление, что решение уже принято и теперь лишь приводится в исполнение. Валерия не ответила и дверь всё равно открылась. Люди вошли без колебаний, словно её молчание уже было включено в план действий и не имело значения. Вместе с ними в комнату вошло ощущение чужой воли, плотной и направленной, не оставляющей пространства даже для вдоха.

Стилисты двигались быстро и слаженно, раскладывая инструменты, открывая чемоданы, разворачивая ткань платья, будто не готовили её к вечеру, а завершали процесс, начатый задолго до этого дня. Когда платье оказалось на кровати, Валерия посмотрела на него только один раз — этого оказалось достаточно, чтобы всё понять. Алый цвет не выглядел просто цветом: он был заявлением, вызовом, который она не делала. А когда взгляд скользнул по линии спины, слишком открытой и лишённой любой защиты, у неё на мгновение перехватило дыхание: её готовили не к празднику, а к показу, где уязвимость должна стать частью сделки.

— Вы уверены, что это... необходимо? — спокойно спросила она, не отрывая взгляда от ткани.

— Это было выбрано заранее, — так же спокойно ответили ей.

Кем — уточнять не требовалось.

Подготовка шла быстро, но время словно теряло форму, растягиваясь в вязкую последовательность движений и прикосновений, в которых Валерия присутствовала лишь формально. Когда наконец образ был завершён и её оставили одну, тишина показалась почти оглушающей. Она подошла ближе к зеркалу и посмотрела на своё отражение внимательнее. Красота была идеальной, но абсолютно чужой.

— Значит, так это выглядит, — тихо произнесла она, будто проверяя на вкус собственные слова.

Когда машины клана Морвейн появились у ворот, она стояла у окна и почувствовала его раньше, чем увидела. Это присутствие было тяжёлым, прямым, лишённым попыток скрыться, и в нём не было ни уважения, ни сомнения — только грубая, уверенная сила, которая привыкла брать, а не спрашивать. Когда Маркус вышел из машины, это ощущение обрело форму и почти сразу нашло её. Его взгляд поднялся к окнам и остановился точно там, где стояла она, словно расстояние не имело значения, словно он уже знал, где искать. Во взгляде не было ни вопроса, ни интереса — только право. Претензия.

Валерия выдержала его, хотя внутри поднялось резкое, почти физическое отторжение.

— Нет, — тихо сказала она, отступая от окна. — Только не так.

Но это уже не было её решением, это было пониманием.

К вечеру дом наполнился мягким светом, создающим иллюзию спокойствия, однако под этой поверхностью ощущалось напряжение — плотное, направленное, готовое в любой момент стать явным. Идеально отполированные приборы и безупречно ровная скатерть только подчёркивали неестественность этого порядка: всё было слишком правильным, чтобы быть живым.

Когда Валерия вошла в зал, разговоры не прекратились, но изменились, и взгляды начали скользить к ней один за другим, оценивая, фиксируя, словно она уже была частью сделки, которую осталось лишь озвучить. Она шла ровно, спокойно, удерживая себя в каждом шаге. Пока не почувствовала его. Маркус...

Он не спешил подойти, позволяя ей самой приблизиться, позволяя пространству между ними сократиться до той границы, за которой уже невозможно сделать вид, что ничего не происходит. Когда их взгляды встретились, он слегка холодно улыбнулся, в его улыбке не было вежливости — только удовлетворение, будто он видел именно то, что хотел.

— Ты выглядишь именно так, как я представлял, — произнёс он, и его голос был низким и медленным.

— Тогда тебе стоило оставить это в своём воображении, — спокойно ответила она.

Его взгляд потемнел едва заметно, и он сделал шаг ближе, нарушая дистанцию без всякого усилия.

— Мне нравится, когда реальность превосходит ожидания, — тихо сказал он. — Особенно когда она сопротивляется.

— Я не часть твоих ожиданий.

— Уже часть, — так же тихо ответил он и наклонился ближе, его присутствие стало почти физическим — давящим, лишаящим воздуха. Взгляд скользнул по её лицу, задержался на губах чуть дольше, чем было допустимо, будто он намеренно проверял, как далеко может зайти.

— Ты хоть понимаешь, как на тебя смотрят? — прошептал он, и в его голосе прозвучало не предупреждение, а собственничество. — И как на тебя буду смотреть я?

Её дыхание на мгновение сбилось, но взгляд остался холодным.

— Мне не нужно твоё разрешение, чтобы существовать.

Он тихо усмехнулся и коснулся её руки, проводя пальцами по запястью вверх, словно запоминая реакцию её кожи. По спине пробежал холод, но Валерия не отдернула руку — она освободила её. Медленно. Без суеты, будто показывая, что даже в этом движении решает она.

— Разрешение — нет, — сказал он, почти шёпотом. — Но тебе придётся привыкнуть к тому, что я буду рядом.

— Это не обсуждается.

Он наклонился ближе, настолько, что его голос остался только между ними.

— Ты ошибаешься, моя птичка, — произнёс он мягко, и от этой мягкости стало только опаснее. — Это уже решено.

В этот момент рядом появился Даниил. Он не выглядел ни возмущённым, ни защищающим её — напротив, в его спокойствии чувствовалась окончательность.

— Конечно решено, — спокойно подтвердил он, улыбнувшись и чуть склонив голову, будто ставил точку в споре, которого и не было. — Осталось только соблюсти видимость приличий.

Маркус едва заметно кивнул, принимая эту формулировку как должное.

— Видимость — дело тонкое, — произнёс он с лёгкой усмешкой. — Главное, чтобы результат был реальным.

Даниил перевёл взгляд на Валерию, и в его взгляде не было сочувствия — только холодная констатация факта.

— Ты всегда любила усложнять простые вещи, — сказал он почти буднично. — Но в этот раз у тебя нет пространства для манёвра. Поэтому, просто расслабиться и получай удовольствие.

Напряжение стало ощутимым. Александр, стоявший чуть поодаль, не повышал голоса — ему и не нужно было.

— Довольно, — коротко бросил он. — Мы здесь не для спектаклей.

Тишина повисла в воздухе, тяжёлая и окончательная. Позже, за столом, напряжение не исчезло, оно стало глубже и тише, словно ушло под кожу происходящего. Маркус сидел рядом, слишком близко, так, что она чувствовала его присутствие даже без взгляда.

— Ты избегаешь меня, — произнёс он негромко.

— Я не даю тебе повода думать иначе.

— Даёшь, — возразил он мягко, и его пальцы снова коснулись её руки, уже выше запястья, медленно, почти лениво, но в этом движении была власть. — Ты сопротивляешься. А это всегда... интереснее.

Она повернула к нему голову.

— Это не игра.

— Для тебя — нет, моя дорогая — согласился он, чуть наклоняясь ближе. — Для меня — это момент, когда ты ещё думаешь, что у тебя есть право выбора.

Её взгляд стал холоднее.

— Оно есть.

Он посмотрел на неё долго, внимательно, будто разглядывая ее реакцию. Наклонился ближе, будто специально проверяя, на каком расстоянии у неё дрогнет голос и едва заметно улыбнулся.

— Тогда попробуй, — тихо сказал. — Посмотрим, как далеко ты зайдёшь.

Она медленно освободила руку, не отводя взгляда.

— Дальше, чем ты считаешь.

На секунду в его глазах вспыхнуло что-то острое, почти тёмное, но вместо раздражения появилась улыбка.

— Посмотрим.

Разговор за столом перешёл на дела кланов, и слова стали холоднее и чётче.

— Союз уже согласован, — произнёс Александр. — Остались формальности.

— Формальности — самая приятная часть, — заметил Маркус.

— Особенно когда они придают сделке законченность, — добавил Даниил, будто подчёркивая, что он не наблюдатель, а соучастник.

— Сила — это единственный аргумент, который работает, — спокойно ответил Маркус.

— А легитимность — единственный, который делает её необратимой, — ровно вставил Даниил.

Александр едва заметно кивнул. Тишина стала тяжёлой. Валерия старалась не замечать, как близко сидит Маркус, как будто само пространство между ними сжимается. Она держала спину прямо, взгляд пустой и спокойный, как ледяная гладь, под которой прячется течение. Внезапно он чуть наклонился и лёгким, почти заботливым движением провёл тыльной стороной ладони по внешней стороне её бедра, будто смахивая пылинку.

Жест выглядел до нелепости обыденным — так делают, когда хотят проявить мимолётную, ничего не значащую заботу. Но Валерия почувствовала, как по коже пробежал не холод прикосновения, а холод намерения. На секунду ей показалось, что ткань платья стала слишком тонкой, почти прозрачной, и от этого стало ещё страшнее: граница исчезла не только в словах, но и в самой материи между ними.

Валерия даже не вздрогнула, только пальцы, лежавшие на скатерти, сжались едва заметно. И на долю секунды ей показалось, что напряжение внутри неё нашло выход, как трещина, которая появляется там, где давление становится невыносимым. А в следующий миг бокал, стоявший рядом с её рукой, лопнул. Резкий треск разорвал тишину, и хрусталь разлетелся на осколки, осыпав скатерть и край платья мелкими, острыми фрагментами. Все на мгновение замерли. Виктория первой пришла в себя.

— Ох, простите, Валерия, простите... — торопливо заговорила она, наклоняясь, будто хотела помочь, но не решалась коснуться. — Какая неловкость... Ты не поранилась? Скажи, что не поранилась...

В её голосе звучала та самая фальшивая, вышколенная забота, которая хуже равнодушия: в ней не было тревоги — только необходимость сгладить неудобство, сохранить безупречный фасад вечера. Слуги метнулись вперёд, сноровисто собирая осколки. Виктория продолжала что-то торопливо говорить, пытаясь сгладить неловкость. Только Маркус не смотрел на осколки. Он смотрел на Валерию и в его глазах не было удивления. Только холодная и цепкая сосредоточенность — будто он только что увидел не случайную неловкость, а первый признак того, что добыча готова сорваться с крючка. И это его не пугало. Наоборот.

Валерия медленно опустила взгляд на осколки, потом подняла глаза, спокойные и пустые.

— Я в порядке, благодарю за заботу — произнесла она ровно, хотя по коже всё ещё бежали мурашки.

Александр коротко кивнул, будто подтверждая, что инцидент исчерпан.

— Случайность, — сухо констатировал он. — Уберите.

Для Валерии всё это перестало иметь значение. Она чувствовала только постоянное, неослабевающее давление.

— Не делай этого больше, — наконец тихо, но отчётливо сказала она, глядя прямо на Маркуса.

Его бровь едва заметно приподнялась, будто он впервые услышал не холодный отказ, а угрозу.

— Почему?

— Потому что я этого не хочу.

Его голос стал ниже.

— Это временно.

Валерия посмотрела на него так, будто видела насквозь.

— Нет, — сказала она, чётко разделяя слова. — Никогда.

— Отец, я поднимусь к себе, мне нужно привести себя в порядок, — сказала Валерия, глядя на Александра.

Тот в ответ только коротко кивнул.

Вернувшись в комнату, Валерия закрыла за собой дверь, прижалась к ней спиной и медленно опустилась на пол. Сейчас она поняла окончательно: оставаться — значит позволить им сломать её, оставив только удобную оболочку. А она не собиралась становиться чьей-то игрушкой. Соппротивление больше не было выбором. Оно стало единственным способом остаться собой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.